Андрей РАНЧИН

Иван Гончаров на государственной службе: преодолевая обломовщину

В отличие от абсолютного большинства русских классиков XIX века, Иван Гончаров не был по происхождению дворянином; среди известных русских писателей, рожденных в первой половине столетия, он в этом отношении уникален. Отцом Гончарова был симбирский купец, мать – тоже из купеческого сословия. Будущий автор «Обыкновенной истории» и «Обломова» учился на словесном отделении императорского Московского университета. 30 июня 1834 года, после окончания университета, определением Совета Московского университета «за хорошие успехи и поведение» он был удостоен звания «действительного студента словесного отделения» [Алексеев, 1960. С. 18]. По возвращении в родной Симбирск Гончаров, видимо, в ноябре 1834 года [Гейро, 1989. С. 625]) поступил на службу в канцелярию симбирского губернатора А.М. Загряжского, но в апреле 1835 года, эту службу оставил.

В своих «Воспоминаниях» писатель изобразил поступление на службу иронически (А.М. Загряжский выведен здесь под фамилией Углицкий). Губернатор буквально вырывает у выпускника Московского университета согласие, прицепившись к нему как банный лист и неумеренно льстя: «Я остановился на вас. Вы только что кончили курс в университете, готовитесь вступить в службу: чего же лучше, как начать ее в вашем родном городе, живя с своими?... и т. д.

Он очень искусно развивал передо мной заманчивую картину службы при нем.

— Ваше воспитание, благородство, тон, манеры, знание языков дают вам все права и преимущества... — И пошел, и пошел, — “и свежий-то, и новый-то я человек, и новые взгляды” у меня и проч.

Почем он знал мое “благородство” и мои “взгляды” — бог его ведает! Вероятно, потому, что я казался ему “présentable”. Он искусно воспользовался этими мотивами, чтобы склонить меня.

<...>

— Позвольте спросить, на какую должность вам угодно пригласить меня? — спросил я.

— Ба! Разве я еще не сказал? На место секретаря. Вы будете управлять канцелярией...

Я — юноша — едва не пожал плечами от удивления перед легкомыслием этого — чуть не старика.

— Позвольте напомнить, — начал я, помолчав, — что я только что со школьной скамьи и никакими делами не занимался. Я совершенно неопытен. Как я могу управлять группой чиновников, уже служивших, опытных?.. Я мог бы, пожалуй, принять в губернии место учителя в гимназии, какого-нибудь инспектора уездных училищ, что-нибудь в этом роде, а дела губернской администрации мне вовсе незнакомы...

Здесь полился у него ряд доводов, построенных больше на софизмах, шатких предположениях... “Подайте прошение”, — заключил он» [Гончаров, 1952—1955. Т. 7. С. 275—276].

По признанию самого Гончарова, его вовсе не привлекало предложение губернатора, со стороны казавшееся весьма лестным: «Мне во что бы то ни стало хотелось отделаться от этого неожиданного предложения. Меня тянуло в Петербург. Родимый город не представлял никакого простора и пищи уму, никакого живого интереса для свежих, молодых сил. Словом, я скучал, а тут вдруг остаться и служить!» [Гончаров, 1952—1955. Т. 7. С. 276].

Тем не менее, согласие было получено, а скорее, вырвано. Позднее до новоиспеченного секретаря до-

Андрей Ранчин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: aranchin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается соотношение служебной деятельности и литературного творчества выдающегося русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812—1891). Демонстрируется, что государственная служба была для Гончарова стимулом жизненной и творческой активности. Показано, что в качестве цензора, читавшего ведущие российские журналы, Гончаров пытался руководствоваться идеями умеренного либерализма, не чуждого просвещенному консерватизму.

Ключевые слова: государственная служба, писатель на государственной службе, писатель и цензор, умеренный либерализм и просвещенный консерватизм.

шли слухи, будто его предшественник «посоветовал определить на его место меня <...> более всего как неопытного молодого человека, именем которого он мог бы продолжать вести дела по губернии по-своему, как он вел их прежде, то есть плавать под чужим флагом в тех же водах... “Шипы” (предупреждали меня по секрету) доставались бы мне, а “розы” падали бы на его голову» [Гончаров, 1952—1955. Т. 7. С. 276]. Впрочем, достоверность этой сплетни для Гончарова осталась под вопросом.

Свое вступление в должность, представление ему губернских чиновников автор мемуаров изобразил с изрядной долей комизма. Выбор служебного поприща представлен мемуаристом не как сознательное и свободное решение, а как результат давления, которому он, человек слабохарактерный и апатичный, попросту не смог противостоять. И собственную инертность, и настойчивость губернатора Гончаров, возможно, преувеличил. Но некоторая «обломовская» вялость и податливость ему действительно были присущи: не случайно позднее знакомые шутливо прозвали его принц де Лень (по аналогии с известной исторической личностью XVIII — начала XIX столетия – принцем де Линем). Да и сам Гончаров подписывал свои письма друзьям этим именем (см. совместное письмо Гончарова, С.С. Дудышкина и В.Н. Майкова к А.Н. и Н.А. Майковым от 14 декабря 1842 года [Гончаров, Письма, 1842—1851]).

Служба в губернской канцелярии, по-видимому, не задалась и была для будущего писателя малоприятной и обременительной. Очевидно, рутинная чиновничья деятельность его угнетала, а необходимость надзирать за другими чиновниками, причем более опытными, — тяготила. Начальственных свойств в характере Гончарова не имелось. В своей автобиографии он начинает отсчет служебной деятельности не с этого времени, а с события более позднего: «По окончании курса наук в университете Гончаров приехал в 1835 году в Петербург и, следуя общему примеру, определился на службу. Он получил место переводчика по министерству финансов, потом столоначальника и оставался там до 1852 года <...>» [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 222]. Начало новой, уже столичной, службы Гончарова относится к 18 мая 1835 года, когда он поступил в департамент внешней торговли Министерства финансов в качестве переводчика, а 30 мая был возведен в чин губернского секретаря [Алексеев, 1960. С. 19]. Чин Гончарова относился к XII классу по Табели о рангах, фактически он был вторым от конца, так чин XIII класса в то время не давали. Показательно замечание Гончарова, что он поступил на службу, «следуя общему примеру». Фактически же это было не решение служить, как служат все или почти все, а необходимость, вызванная недостатком средств. Гончаров-мемуарист, говоря об «общем примере», вероятно, таким образом предпочел затушевать это неприятное обстоятельство. Но, так или иначе, выбор им гражданской службы не был продиктован какими бы то ни было высокими соображениями. Как не был он продиктован и жаждой успеха и возвышения.

Новая служба не была столь неприятна, как первоначальная, поскольку давала возможность вращаться в столичных литературных сферах: в Петербурге Гончаров познакомился и подружился с семьей Майковых, несколько позднее познакомился с В.Г. Белинским и вошел в круг писателей «натуральной школы» и журнала «Современник». Кроме того, переводческая деятельность была хоть отчасти связана с литературными занятиями, и Гончаров вполне успешно продвигался по должностной лестнице: он достиг начальственной должности, пусть и самой низкой. «Должность столоначальника – первый руководящий пост на пути административной карьеры – была предметом вожделений всякого рядового чиновника» [Федосюк, 2003. С. 67]. В младшие столоначальники Гончаров был произведен 24 июля 1851 года, в том же году, 22 августа, он по выслуге лет получил чин коллежского асессора – чин VIII класса, приравненный к воинскому званию майора [Алексеев, 1960. С. 35—36].

Но первые годы жизни Гончарова-чиновника были очень тяжелыми: он бедствовал из-за безденежья – жалование было совершенно недостаточным. Как Гончаров вспоминал в письме к Г.А. и С.А. Никитенко от 3 июля 1866 года, его первые годы на службе в Петербурге были наполнены: «мучительными ежедневными помыслами о том, будут ли в свое время дрова, сапоги, окупится ли теплая, заказанная у портного шинель в долг?» [Гейро, 1989, с. 625]). Это была жизнь, в материальном отношении мало чем отличавшаяся от прозябания гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина.

В 1852 году судьба Гончарова неожиданно изменилась. Как он вспоминал, «в этом году, вызвавшись по предложению бывшего министра народного просвещения А.С. Норова, участвовать в экспедиции, снаряженной для открытия торговых сношений с Японией, был откомандирован, по высочайшему повелению, в качестве секретаря при начальнике экспедиции, вице-адмирале <...> Е.В. Путятине, и отправился на фрегате “Паллада” в это плавание, из которого воротился в начале 1855 года <...>» [Гончаров, 1952—1955. Т. 7. С. 222—223]. Одной из задач этого опасного путешествия [Энгельгардт, 1986. С. 725—738]), которое задумывалось как кругосветное, но из-за начавшейся Крымской войны, а также из-за неудовлетворительного состояния корабля, закончилось в устье Амура, было проведение дипломатических переговоров об открытии японских портов для российских кораблей. Кроме того, была осуществлена картографическая съемка корейских берегов, причем один островок был назван именем Гончарова.

Именовался Гончаров – участник экспедиции на «Палладе»: «исправляющий должность секретаря коллеж<ский> асессор Иван Гончаров» (отчет Морскому министерству Е.В. Путятина о путешествии [Гончаров, 1997. С. 139]). Решение Гончарова вызвало изумление у знакомых. Место секретаря в экспедиции предлагалось гончаровскому приятелю поэту А.Н. Май-

кову (требовалось, чтобы секретарь обладал литературными способностями), но Майков отказался. Зато Гончаров, прослышав о таком предложении, вызвался сопровождать Путятина. К этому времени он был уже известным писателем – автором романа «Обыкновенная история» (журнал «Современник», 1847, отд. изд. 1848, писался в 1845—1846).

В письме Е.А. и М.А. Языковым от 23 августа 1852 года Гончаров объяснил это решение наивными романтическими чувствами («знать все то, что с детства читал как сказку, едва веря тому, что говорят» [Гончаров, 1986. С. 616]. Здесь же, однако, дается и в психологическом отношении более серьезное объяснение: «Я полагаю, что если б я запасся всеми впечатлениями такого путешествия, то, может быть, прожил бы остаток жизни повеселее. Потом, вероятно, написал бы книгу, которая во всяком случае была бы занимательна <...>». Еще одно соображение – важность путешествия для карьеры («это очень выгодно по службе»), но это соображение скорее иронично, чем правдиво: служебных успехов можно было добиться и более безопасным и спокойным образом. А вот последнее замечание Гончарова наиболее значимо: «Кто меня знает, тот не удивится этой решимости. Внезапные перемены составляют мой характер, я никогда не бываю одинаков двух недель сряду, а если наружно и кажусь постоянен и верен своим привычкам и склонностям, так это от неподвижных форм, в которые заключена моя жизнь» [Гончаров, 1986. С. 616]. Длительное, увлекательное и опасное странствие должно было развеять тоску, приступы которой периодически одолевали Гончарова, встряхнуть его, вырвав из плена апатии и едва ли не депрессии, и разбудить его творческий дар. [Кудринский, 1969. С. 90]). Так экстраординарная служба способствовала творчеству. Так Гончаров-Обломов освобождался от обломовщины в себе самом по рецептам Андрея Штольца. [Энгельгардт, 2000. С. 24—26].)

Правда, Гончаров в одном из писем бросил: «еду везде, но зачем, еще сам хорошенько не знаю» (В.П. Боткину, 26 сентября 1852 года [Гончаров, 1986. С. 617]). Эта фраза может быть проявлением чистой иронии, очередным разыгрыванием роли ленивца-сибарита, вдруг начавшего чудить. Но она может и передавать действительные колебания и сомнения, неуверенность даже после уже принятого решения.

Обратный путь Гончаров проделал через Дальний Восток и Сибирь. К прежней службе он приступил 25 февраля 1855 года. Но еще 16 февраля того же года высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 24 июля 1851 года [Алексеев, 1950. С. 49]. Свои путевые впечатления писатель изложил в обширной книге очерков «Фрегат “Паллада”» (отрывки были напечатаны в журналах в 1855—1857 годах, отдельное издание в 2 томах вышло в 1858 году). В 1859 году был издан роман «Обломов» (сначала в журнале «Отечественные записки», затем отдельно в том же году).

1 февраля 1860 года Гончаров уволился со службы. К этому времени он, уже один из самых известных русских писателей, мог обеспечить свое существование и без служебного жалованья.

Тем не менее, уже через полтора года он принимает новое назначение, становясь главным редактором официозной газеты «Северная почта» (сложил с себя эти обязанности в начале июня 1863 года). А с июня 1863 года он занял должность в Совете по делам книгопечатания (с апреля 1865 года – Совет Главного управления по делам печати), где и прослужил до отставки. 29 декабря 1867 года в отставку Гончаров-цензор вышел в чине действительного статского советника [Гейро, 1989. С. 628]. Чин неофициально считался первым «генеральским», так как приравнивался к воинскому званию генерал-майора. В качестве цензора автор «Обломова» читал несколько журналов и газет, среди которых были и весьма известные и влиятельные: «Современник» Н.А. Некрасова, «нигилистическое» «Русское слово» Г.Е. Благосветлова, «Нувеллист», журнал братьев Достоевских «Эпоха», еженедельная газета славянофила И.С. Аксакова «День», журнал Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и другие издания [Гейро, 1989. С. 628]. 1 января 1867 года за «отлично-усердную» службу он был пожалован орденом Владимира третьей степени [Алексеев, 1960. С. 163]. 29 декабря того же года он был по собственному прошению уволен со службы по причине расстроенного здоровья; при этом Гончарову была назначена пенсия в размере 1750 руб. в год [Алексеев, 1960. С. 167].

Сам Гончаров в письме И.С. Тургеневу от 10 февраля 1868 года объяснял выход в отставку усталостью от службы и расстроенным здоровьем, добавляя, что по этим же причинам не может воспользоваться обретенной свободой для литературных занятий: «вышел в отставку, о которой давно помышлял, как об отрицательном и неизбежном благе. Застой крови и особенно слабость глаз, все увеличивающаяся от чтения при огне — буквально выгнали меня из службы. Боязнь за глаза — серьезная боязнь, а служба моя вся состояла в чтении. Прослужив 30 лет, я счел себя и вправе успокоиться и отдохнуть, — все, что мне теперь остается, так как свобода теперь для меня — мертвое благо, которым я не могу воспользоваться производительно. К тому же могу сказать про себя: “Но не всегда мила свобода Тому, кто к неге (то есть к жалованью) приучен” (цитата из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы». — А.Р.) — понеже пенсия, благодаря богу и царю мне назначенная, дает средства — существовать, но без всякой неги, даже без хороших сигар, которые, если пожелаю курить — должен выкидывать какие-нибудь литературные штуки, а между тем не чувствую к таковым ни охоты, ни сил» [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 370]. Реальная ситуация была, по-видимому, более сложной: писатель действительно тяготился службой, а «все свободное от службы время посвящал литературе» [Гончаров, 1952—1955. С. 223]. Служебные обязанности Гончарова как писателя совсем

не привлекали: показательно, что он, посвятивший им более тридцати лет жизни, практически никак не затронул жизнь и быт чиновников, администраторов в своих произведениях. В романе «Обыкновенная история» главный герой Александр Адуев преуспел по службе, но его чиновничья деятельность никак не изображается. Главный герой «Обломова» вышел в отставку после распекания со стороны начальства за ошибку с отправлением бумаги, не поднявшись выше коллежского секретаря; разговоры о чиновной карьере, которые ведет с Обломовым его былой сослуживец, поданы иронично-отстраненно. Тема обличения недобросовестных чиновников-мздоимцев нещадно эксплуатируется эпизодическим персонажем романа литератором Пенкиным, эпигоном «обличительной» литературы, но пенкинская сатира представлена как низкопробная, неискренняя и конъюнктурная. В романе «Обрыв» (1869) вообще нет персонажей, причастных к государственной службе. Чиновники имеются среди персонажей рассказа-очерка «Иван Савич Поджабрин» (1842, опубликован в 1848, с изменениями — 1856), однако их служебная деятельность в тексте практически никак не отражена, а центральное действующее лицо, Иван Савич Поджабрин, похваляющийся своим положением в министерстве, — не реальный тип чиновника, а тип жуира – хвастуна и враля, отчасти списанный с гоголевского Хлестакова.

Тем не менее, регулярные служебные занятия, вероятно, были для Гончарова противоядием против лености, паралича воли и в этом отношении содействовали – хотя и отнимали драгоценное время – его творчеству. Показательно, что все значительные по объему произведения были созданы писателем за годы обременительной службы (лишь две последние части «Обрыва» — четвертая и пятая – были написаны в первый год после отставки, в 1868 году).

Как главный редактор «Северной почты», Гончаров отнюдь не намеревался просто проводить официозную линию – он пытался создать из газеты издание, в котором можно было свободно обсуждать животрепещущие современные проблемы, но потерпел неудачу в своих замыслах [Гейро, 1989. С. 628]. Решение Гончарова взять на себя обязанности цензора вызвало неприятие со стороны знакомых писателя. А.И. Герцен выступил с фельетоном «Необыкновенная история о цензоре Гонча-ро из Ши-Пан-Ху» [Колокол, 1 декабря 1857 года]. Отклик Гончарова см.: [Утевский, 1931, С. 103—104]. Писатель А.В. Дружинин заметил в своем дневнике: «Одному из первых русских писателей не следовало бы брать должности такого рода. Я не считаю ее позорною, но, во-первых, она отбивает время у литератора, во-вторых, не нравится общественному мнению, а в-третьих <...> в-третьих, то, что писателю не следует быть цензором» (запись от 2 декабря 1855 года [Дружинин, 1986. С. 358]).

Гончаров сетовал литератору П.В. Анненкову в письме от 8 декабря 1858 года на ранившие его злые выпады: «Третьего дня, за ужином у Писемского, <...> Вы сделали общую характеристику цензора: “Цензор — это чиновник, который позволяет себе самоволие, самоуправство и так далее”, — словом, не польстили. Все это сказано было желчно, с озлоблением и было замечено всего более, конечно, мною, потом другими, да чуть ли и не самими Вами, как мне казалось, то есть впечатление произвела не столько сама выходка против цензора, сколько то, что она сделана была в присутствии цензора. В другой раз, с месяц тому назад, Вы пошутили за обедом у Некрасова уже прямо надо мной, что было тоже замечено другими» [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 303—304]. Вместе с тем он сам признавался, что тяготится «невыносимым положением в Совете» [Никитенко, 1955—1956. Т. 2. С. 555].

В цензуре служили многие русские писатели. Помимо Гончарова это Тютчев и Аполлон Майков. Однако, во-первых, и Тютчев, и Майков служили по ведомству иностранной цензуры, и от них не зависели решения о запрете или разрешении современных русских книг или периодических изданий. Во-вторых, с начала 1840-х годов и до наступления Серебряного века поэзия в общественном сознании уходит на литературную периферию, и стихотворцы не привлекают пристального внимания ангажированной публики; Гончаров же был прозаиком, и прозаиком первоклассным. В-третьих, политические взгляды обоих поэтов были консервативными, в то время как Гончаров воспринимался в либеральных и радикально-демократических кругах как «свой» или «почти свой»: «путевку в жизнь» ему дал Белинский, воспринимавшийся как провозвестник и глашатай свободы мысли. Первый его роман был опубликован в журнале «Современник», со второй половины 1850-х годов ставшем одним из оплотов радикально-демократической журналистики.

Показательно, что один из наиболее ярких публицистов «Современника» Н.А. Добролюбов в знаменитой статье «Что такое обломовщина?» («Современник», 1859, № 5] весьма своеобразно интерпретирует роман Гончарова как решающее доказательство несостоятельности поколения «отцов»-либералов – лишних людей и обломовых в полемике с А.И. Герценом [Гродецкая и др., 2004. С. 309–311]. Для Добролюбова, приверженца «реальной критики», подлинная позиция автора «Обломова» была совершенно безразлична: критик писал не о литературе, а о жгучих проблемах самой жизни. Тем не менее, невозможно было бы представить, чтобы Добролюбов сочувственно отозвался о произведении, написанном идейным врагом: Гончаров воспринимался им как своего рода союзник.

Сам же автор «Обломова» этой идеологической подоплеки в добролюбовской статье не заметил, а оценил статью весьма положительно. В письме к П.В. Анненкову 20 мая 1859 года Гончаров писал: «Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об “Обломове”, мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое, — уже сказать после этого ничего нельзя» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8. С. 323]. А в статье «Лучше поздно, чем

никогда» (1879) он заметил о своем романе: «В свое время его разобрали и значение его было оценено и критикой, особенно в лице Добролюбова, и публикою, весьма сочувственно» [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 78]. Эта оценка свидетельствует о том, что взгляды Гончарова были чужды идеологической односторонности и ангажированности и, видимо, не составляли жесткой системы идей. Гончаров был человеком религиозным. Он писал С.А. Никитенко: «Мыслящий, наблюдательный ум и человек с глубокой душой, даже не будучи христианином, непременно должен притти вследствие жизненного опыта к этой мысли и убеждению, то есть к непрочности всех земных привязанностей, в их призрачности, и непременно воспитает в себе сильное подозрение, что в нас есть что-то, что нас привязывает и призывает к чему-то невидимому, что мы, несмотря ни на какой разврат мысли и сердца, не потеряем никогда этого таинственного влечения, связующего нас с мировой силой», письмо от 21 августа 1866 года [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 365]. Ему претил нигилистический радикализм, о резко отрицательном отношении к нигилизму свидетельствует и образ Марка Волохова в романе «Обрыв», и гончаровский автокомментарий к роману [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 92—93]. Гончаров был убежденным постепеновцем, вдохновленным успехами в крестьянской, земской, судебной, военной реформах, проводимых под руководством «вождя» нации – Александра II [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 92—93]. Он считал необходимым преодоление идеологической розни, обусловленной во многом разным пониманием слов, а не сути вещей: «У всех, самых противоположных лагерей — всегда есть общие точки соприкосновения, все ратуют во имя разума, свободы и правды, все приводят это на словах, но все разумеют слова по-своему и оттого употребляют различные, часто неверные пути» [Гончаров, 1952—1955. Т. 8. С. 93].

Его деятельность на посту цензора кажется противоречивой [Гейро, 1989. С. 628]; [Евгеньев-Максимов, 1916]; [Котельников, 1991]). Так, Гончаров неоднократно содействовал публикации произведений, вызывавших или способных вызвать сомнения у цензурных и иных властей. Он настоял на публикации поэмы М.Ю. Лермонтова «Боярин Орша», второго издания книги И.С. Тургенева «Записки охотника», на издании «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского. Почти без купюр и исправлений пропустил роман А.Ф. Писемского «Тысяча душ», за что получил выговор; «пробил» в авторской редакции драму Писемского «Горькая судьбина» [Писемский, 1936. С. 124, 285]. В то же время он резко отозвался о «Современнике»: «соблазнительно действовал на молодое поколение <...> щеголяя крайностями отрицания в науке и жизни» [Евгеньев-Максимов, Тизенгаузен, 1939. С. 85]. Не менее неприязненной была оценка приверженного нигилизму журнала «Русское слово»: «отчаянная эксцентричность и парадоксальность мнений <...> и ребяческое <...> рвение провести в публику запретные плоды <...> жалких и несостоятельных доктрин материализма, социализма и коммунизма» [Евгеньев-Максимов, 1938. С. 103—104). Однако при этом Гончаров полагал необходимым дать высказать даже такие мнения: «зло <...> разносило с собой же и противоядие, отрезвляющее от пристрастия к нему и его поклонников» [Евгеньев-Максимов, 1938. С. 103]; [Евгеньев-Максимов, 1921].

Гончаров-цензор пытался играть роль умеренного либерала – адепта объективного взгляда на реальность, не чуждого и просвещенному консерватизму. Но такую же точку зрения он по существу пытался проводить и в своих художественных произведениях: ведь даже инертность и патологическая апатия Обломова не только негативны, но и заключают в себе черты русского характера и даже национального идеала, простое отвержение которых было бы бездумным и опасным. [Лощиц, 2004. С. 161—195].

Литература

Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова / Под ред. Н.К. Пиксанова. Москва. Издательство АН СССР. 1960.

Гейро Л.С. Гончаров Иван Александрович // Русские писатели: 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. Москва. Советская энциклопедия. 1989. С. 624—632.

Гончаров И.А. Письма, 1842—1851. URL: http://www.goncharow.net.ru/print/sa/author/3459/

Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Подг. текста и примеч. А.П. Рыбасова; Вступ. ст. С.М. Петрова. Москва. Государственное издательство художественной литературы. 1952—1955.

Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Подг. текста и сост. примеч. А.Ю. Балакина, А.Г. Гродецкой, С.Н. Гуськова, Н.В. Калининой, Е.И. Кийко, Т.И. Орнатской, К. Савады, В.А. Туниманова. Т. 3. Фрегат «Паллада»: Материалы путешествия. Очерки. Предисловия. Официальные документы экспедиции / Ред. тома Т.А. Лапицкая, В.А. Туниманов. Санкт-Петербург. Наука, 1997.

Гродецкая А.Г., Гуськов С.Н., Калинина Н.В., Орнатская Т.И., Отрадин М.В., Романова А.В., Туниманов В.А. Примечания // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 6. Обломов: Роман в четырех частях. Примечания. Санкт-Петербург. Наука. 2004.

Дружинин А.В. Повести. Дневник / Изд. подг. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. Москва. Наука. 1986.

Евгеньев-Максимов В.Е. К характеристике общественного миросозерцания И.А. Гончарова в 60-х годах: (По его неизданным рукописям) // Северные записки. 1916. № 9. С. 126—152.

Евгеньев-Максимов В.Е. Гончаров в его отношении к нигилизму: (По неизданным рукописям его) // Книга и революция. 1921. № 1. С. 16—22.

Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Ленинград. Государственное издательство художественной литературы. 1936.

Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» и «Русское слово» пред судом И.А. Гончарова // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1938. Т. 1. С. 86—108.

Евгеньев-Максимов В.Е., Тизенгаузен Г. Последние годы «Современника» (1863—1866). Ленинград. Гослитиздат, 1939.

Котельников В.А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24—51.

Кудринский Ф.А. К биографии И.А. Гончарова // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н.К. Пиксанов. Ленинград. Художественная литература. Ленинградское отделение. 1969. С. 86—95.

Лощиц Ю. Гончаров. 3-е изд. Москва. Молодая гвардия. 2004.

Никитенко А.В. Дневник / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1—3. Москва. Государственное издательство художественной литературы. 1955—1956.

Писемский А.Ф. Письма. Москва; Ленинград. АН СССР. 1936.

Утевский Л.С. Жизнь Гончарова. Москва. Федерация. 1931.

Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 7-е изд. Москва. Флинта; Наука. 2003.

Энгельгардт Б.М. Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / Изд. подг. Т.И. Орнатская; Отв. ред. Д.В. Ознобишин. Ленинград. Наука. Ленинградское отделение, 1986. С. 722—760.

Энгельгардт Б.М. «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии / Вступ. ст. и публ. Т.И. Орнатской // Литературное наследство. Т. 102. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Москва. ИМЛИ РАН; Наследие. 2000. С. 15—73.

IVAN GONCHAROV IN PUBLIC SERVICE: OVERCOMING «OBLOMOVSHCHINA»

Andrey Ranchin, Honored Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology at the M.V. Lomonosov Moscow State University and the UNESCO Chair, International Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Bld. 1 sect.51 Lenin Hills, Moscow 119991). E-mail: aranchin@mail.ru

Summary: The article considers the relation of the service activity and literary creativity of the outstanding Russian writer, Ivan Aleksandrovich Goncharov (1812-1891). It demonstrates that the public service was an incentive in Goncharov's life and creative activity. It is shown that as a censor, reciting leading Russian magazines, Goncharov attempted to be guided by ideas of moderate liberalism, and was not alien to enlightened conservatism.

Keywords: public service, a writer in the public service, the writer and censor, moderate liberalism and enlightened conservatism.

References

Alekseev A.D. Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Goncharova [Chronicle of the life and work of I.A. Goncharov] / Pod red. N.K. Piksanova, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR (publ.), 1960.

Geiro L.S. Goncharov Ivan Aleksandrovich// Russkie pisateli: 1800—1917. Biograficheskii slovar', Vol. 1, Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1989, pp. 624—632.

Goncharov I.A. Pis'ma, 1842—1851 [Letters, 1842-1851]// http://www.goncharow.net.ru/print/sa/author/3459/.

Goncharov I.A. Sobranie sochinenii: V 8 t. [Collected Works: in 8 volumes]/ Podg. teksta i primech. A.P. Rybasova; Vstup. st. S.M. Petrova, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1952—1955.

Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. [Complete Works and Letters: in 20 volumes]/ Podg. teksta i sost. primech. A.Iu. Balakina, A.G. Grodetskoi, S.N. Gus'kova, N.V. Kalininoi, E.I. Kiiko, T.I. Ornatskoi, K. Savady, V.A. Tunimanova, Vol. 3, Fregat «Pallada»: Materialy puteshestviia. Ocherki. Predisloviia. Ofitsial'nye dokumenty ekspeditsii / Red. toma T.A. Lapitskaia, V.A. Tunimanov, St-Petersburg, Nauka, 1997.

Grodetskaia A.G., Gus'kov S.N., Kalinina N.V., Ornatskaia T.I., Otradin M.V., Romanova A.V., Tunimanov V.A. Primechaniia [Notes]// Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii, V 20 t., Vol. 6. Oblomov: Roman v chetyrekh chastiakh. Primechaniia, St-Petersburg, Nauka, 2004.

Druzhinin A.V. Povesti. Dnevnik [Story. Diary]/ Izd. podg. B.F. Egorov, V.A. Zhdanov, Moscow, Nauka, 1986.

Evgen'ev-Maksimov V.E. K kharakteristike obshchestvennogo mirosozertsaniia I.A. Goncharova v 60-kh godakh: (Po ego neizdannym rukopisiam) [Characterization of the social outlook I.A. Goncharov in the 60s: (In his unpublished manuscripts)]// Severnye zapiski, 1916, no 9, pp. 126—152.

Evgen'ev-Maksimov V.E. Goncharov v ego otnoshenii k nigilizmu: (Po neizdannym rukopisiam ego) [Goncharov and his attitude to nihilism: (On his unpublished manuscripts)]// Kniga i revoliutsiia, 1921, no 1, pp. 16—22.

Evgen'ev-Maksimov V.E. «Sovremennik» pri Chernyshevskom i Dobroliubove [«Sovremennik» with Chernyshevsky and Dobroliubov]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1936.

Kotel'nikov V.A. Goncharov kak tsenzor [Goncharov as censor]// Russkaia literature, 1991, no 2, pp. 24—51.

Kudrinskii F.A. K biografii I.A. Goncharova [On the biography of I.A. Goncharov] // I.A. Goncharov v vospominaniiakh sovremennikov / Otv. red. N.K. Piksanov. Leningrad, Khudozhestvennaia literature, Leningradskoe otdelenie, 1969, pp. 86—95.

Loshchits Iu. Goncharov [Goncharov] 3-'e izd., Moscow, Molodaia gvardiia, 2004.

Nikitenko A.V. Dnevnik [Diary]/ Podg. teksta, vstup. st. i primech. I.Ia. Aizenshtoka, Vol. 1—3, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955—1956.

Pisemskii A.F. Pis'ma [Letters] Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1936.

Utevskii L.S. Zhizn' Goncharova [Goncharov's life]. Moscow, Federatsiia, 1931.

Fedosiuk Iu.A. Chto neponiatno u klassikov, ili Entsiklopediia russkogo byta XIX veka [What is unclear from the classics, or the encyclopedia of Russian life of the XIX century]. 7-e izd., Moscow, Flinta, Nauka, 2003.

Engel'gardt B.M. Fregat «Pallada» [The frigate "Pallada"] // Goncharov I.A. Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviia v dvukh tomakh / Izd. podg. T.I. Ornatskaia; Otv. red. D.V. Oznobishin, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1986, pp. 722—760.

Engel'gardt B.M. «Puteshestvie vokrug sveta I. Oblomova»: Glavy iz neizdannoi monografii [«Journey around the world I. Oblomov»: Chapters from an unpublished monograph]/ Vstup. st. i publ. T.I. Ornatskoi // Literaturnoe nasledstvo, Vol. 102, I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia [Goncharov I.A. New materials research]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie, 2000, pp. 15—73.